

Утесов — газетчик

Когда мы были молодые...

Вспоминать, тем более писать о Леониде Осиповиче Утесове, это все равно, что писать о своей первой любви. Вот таким я его запомнил, когда в 1915 году моя мама, мой первый продюсер, привела меня, «Вундеркинда» (так меня тогда величали в афишах), в одесский «Большой Ришельевский театр».

Большой?! Там было всего 250—300 мест. А вы не удивляйтесь, уважаемый читатель, — в Одессе все началось с Большого! Прежде всего — «Большой фонтан» — протяженностью в 16 станций, — каждая станция это маленький поселок. Лучшим отдыхом летом одесситы считали снимать дачи на этих станциях. Самые дорогие дачи считались, начиная с десятой станции. Но нам, жителям Молдаванки, как моей семье, так, полагаю, и семье Вайсбейнов (настоящая фамилия Утесова), было не до дач.

Зато в затерянном Дегтярном переулке родился сто лет назад (теперь уже переулок Утесова) самый большой, самый талантливый артист эстрады Леонид Осипович Утесов.

Не без волнения я снова переживаю незабываемые дни 1917 года. В Одессу с каторги вернулся легендарный Григорий Иванович Котовский, и в его честь в Большом оперном театре состоялся митинг-концерт, весь сбор с которого поступал в пользу детей-сирот войны. Маме моей вручили письмо от имени Комитета помощи детям-сиротам за подписью профессора Владимира Петровича Филатова, в котором была просьба разрешить ее сыну принять участие в этом концерте. Получив согласие матери, тут же ей передали стихи, которые я должен читать, обращенные к самому Котовскому.

В этом концерте участвовало много одесских артистов, но мне больше всех запомнился Леонид Утесов. Он был тогда совсем молодым, хотя и на десять лет старше меня. Когда мне удавалось участвовать с ним в одних и тех же концертах, я всегда с удовольствием смотрел его выступления. Обычно он читал рассказы или исполнял в дуэте с Клавдией Новиковой сценки из оперетт. Но на вечере, посвященном Котовскому, он выступал в необычном для себя жанре — пел куплеты «Одесские новости».

Артист изображал юркого, вездесущего одесского мальчишку-газетчика с сумкой через плечо, выкрикивая сенсационные новости, немного подтанцовывая пел куплеты. Для эстрадного искусства это была великолепная находка. Текст куплетов мог меняться до бесконечности и поэтому всегда оставаться злободневным. Бурю аплодисментов вызвало экстренное сообщение: «Котовский явился — буржуа всполошился!»

С того момента, как я увидел газетчика Утесова, мое отношение к тому, что и как я исполняю, изменилось. Не знаю, в раздражение ли Утесову или потому, что его прием был необыкновенно заразительным, я через некоторое время заметил, что, выступая, уже не стою на сцене неподвижно, а пою свои куплеты и песенки, как бы невольно подтанцовывая и двигаясь в темп музыки. Именно с того вечера-концерта, посвященного Григорию Ивановичу Котовскому, я стал задумываться не только над самим фактом выступления, но над его содержанием и формой. Считаю этот вечер для себя переломным — вечером повзреления. Конечно, не сразу это дало ощутимые результаты, но во мне началась определенная профессиональная работа. И я всегда помню преподанный мне урок моего друга и учителя Леонида Осиповича Утесова.

«Дорогому Володе Коралли с воспоминаниями юности, зрелости и... Подождем, что будет дальше. Ваш Утесов».

Владимир КОРАЛЛИ,
внештатный корреспондент «Вечерней Москвы»

«Когда в 1920 году лихим кавалерийским налетом Котовский взял Одессу, артисты устроили концерт для бойцов-освободителей. Вместе со мной перед Григорием Ивановичем выступал и четырнадцатилетний Коралли» (газета «Труд», среда, 21 декабря 1966 г. Л. Утесов).